

ЗУД РЕФОРМАТОРСТВА

К

казалось бы, реформы русской орфографии, замышляемые разными учеными мужами в России, преследовали благие цели: что-то «упорядочить», что-то «привести в соответствие», что-то «упростить» и т.п., ведь язык у нас, кроме того, что велик, очень разнообразен, изощрен и требует определенных правил.

Однако минувшие реформы орфографии (1917–1918 гг. и 1956 г.), помимо, казалось бы, очевидных плюсов, нанесли русской словесности и немалый урон. В целом произошло оскотление языка: ушли в прошлое целые пласты лексики, было утрачено разнообразие оттенков письменной речи (как-никак язык лишился падежа, нескольких букв), пострадала семантика и многое другое.

О негативных последствиях реформ не раз говорили и писали авторитетные русисты и литераторы. «Реформой язык не *повышается*, а *понижается*, не толпу намерен поднять за собой реформатор, а сам спуститься до уровня толпы. В этом и есть плебейский оттенок реформы», — так оценивал в начале прошлого века действия орфографических перестройщиков выдающийся русский писатель Борис Зайцев.

Последняя затея реформирования русского языка приходится на конец минувшего века, начало нынешнего: Орфографическая комиссия Российской академии наук предложила

опять же «упростить» и «упорядочить». И то ли по наивности, то ли по недомыслию, академики вознамерились русскому правописанию дать урок. Причем урок, который затронул бы каждого, кто имеет хоть малое касательство к русскому языку, в том числе всю экономику страны.

Да каким образом могут затронуть российскую экономику и сограждан безобидные «черточки», «новые» запятые, звонкие «з» вместо глухих «с» в приставках? Еще как могли затронуть! Чтобы воплотить предложенную реформу, надо было бы переиздать сотни тысяч учебников, словарей, методических пособий. Для школ, техникумов, вузов! Всякий уважающий себя грамотный человек в России обязан был бы обновить свою книжную полку со справочниками. Да и все книги с «прежней» орфографией автоматически стали бы устаревшими и ждали бы своего обновления. Колоссальный куш сорвал бы издательский бизнес!

А всего-то — умные дяди и тети в тишине академических кабинетов решили, что «полдвенадцатого» надо писать так же, как «пол-одиннадцатого», что «красавица дочка» будет краше при написании «красавица-дочка», что «матушка Русь» станет крепче в новом исполнении «матушка-Русь». А может быть, «многомиллионную» реформу, острой необходимости в которой нет, «заказывали» ученым киты книжного бизнеса, специализирующиеся на выпуске учебной и справочной литературы? Сюжет отнюдь не фантастический. И если бы заинтересованным кругам удалось реформу «продать», вот тогда барыши некоторых издательств могли бы стать действительно фантастическими.

Но даже не экономический фактор был страшен в навязываемой реформе, а другое... Реформа могла оказаться губительной для правописания. Безграмотного письма могло стать еще больше. Орфографических и стилистических огрехов и сейчас полно, — даже в уважаемых газетах, журналах, книгах солидных издательств, а не только в «неуправляемом» интернете. «Да пошли они к черту! Как писал, так и писать буду!» — сказали бы не только некоторые писатели-«консерваторы», но и журналисты, редакторы газет, издатели, корректоры, большинство которых предлагаемую реформу встретили в штыки. И управы на них бы не нашлось. Сейчас в России все слишком демократично. Следить за соответствиями печатного слова новым правилам некому. В итоге мог возникнуть хаос в правописании, а попросту — бардак.

Вот вам и черточки с дефисами! Языковая реформа обострила бы многие российские проблемы. В том числе — политические. Беднейшие слои общества: сельские учителя, родители сельских учащихся тоже были бы вынуждены раскошеливаться на новые словари и учебники. Да помилуйте! Откуда ж у них лишние деньги! Вот проблема из экономической и превратилась в политическую — курс на дальнейшее обнищание...

А в каком положении оказались бы русские школы за рубежом, в странах СНГ? Кто позаботился бы об учебниках для них? В бывших братских республиках и так очень многое делается для выхлощивания русского языка. А тут еще реформа. Лишний формальный повод к закрытию русских школ. «А чтоб не возиться с ихними проблемами...» Про Украину с ее нынешними революционными русофобскими завихрениями страшно и подумать; там еще бы активной стали топтать сапогами националистов великий и некогда родственный русский язык.

Впрочем, в страны СНГ можно и не ходить. Языковой сепаратизм мы недавно наблюдали в России. В Татарии уже был принят закон, по которому заменяли кириллицу на латинский алфавит. А значит, пытались поменять вектор духовной и культурной ориентации. Это могло стать прологом расколов, распрей, гражданской напряженности. Только жесткими мерами и законодательным путем удалось пресечь «алфавитное» реформаторство в Татарстане, которое вбивало клин в культуру народов России.

Удалось также и отбиться от назойливых академиком-реформаторов, выправателей русской орфографии, которые даже не подумали — ох! академики, головы ученые! — о том, что «упрощение правил», уничтожение «исключений» в языке отнимет некую изюминку русской письменной речи и повлияет на мыслительную деятельность человека, особенно — молодого, постигающего правописание. Язык — инструмент мышления. И нет ничего страшного в том, что русская орфография подкидывает учащимся сложности в виде отступлений и исключений. Это только способствует мыслительной деятельности человека, повышает его образовательный уровень. А еще дает возможность проникнуть в глубины русского языка, в этимологические, словообразовательные, фольклорные пласты.

Тут уместен пример Англии. Британцы уже несколько веков не трогают орфографию. Ну и пусть пишется «Манчестер», а читается «Ливерпуль». Так было, так должно быть. Данный консерватизм крепит традиции и моральные устои Англии. И конечно, имеет свой прагматический расчет. А мы за одно столетие готовы провести целых три революцию в языке?!

Отстаивать завоевания русского языка в России, в странах СНГ, в мире, а не вносить сумятицу в мозги русских и русскоязычных граждан путем неуместного реформаторства — это святая обязанность русистов и, безусловно — академических!

ЯЗЫКОВОЙ НАТИСК: ЗАРАЗНЫЕ ВЖИВЛЕНИЯ, СОР, ПРИТЕСНЕНИЯ...

Было время, когда российская знать изъяснялась по-французски, иногда по-немецки (обезьянничанье и низкопоклонство перед Западом — у нашей знати в крови). Теперь той знати нету. Появилась элита. Для новоявленной элиты три сотни английских слов вполне достаточно, чтобы козырять своим *безупречным* английским и разговаривать с официантами, портье, таксистами где-нибудь на Западе.

Английский язык стал проникать не только как средство коммуникации, но и как язык лейблов, терминов, инструкций, компьютерных программ и т.п. С одной стороны, это вроде бы неизбежно: английский язык — международный, для разговорных надобностей он весьма прост, да и электронных переводчиков уже появилось немало. С другой — насаждение англицизмов не только притесняет, выдавливает обиходный русский язык, но и урезает сферу его применения, а стало быть, уменьшает его влияние: все меньше русских употреблений в речи... Зайдите в любой торговый центр Москвы (и не только Москвы): все таблички, названия кафе, магазинов, ремонтных мастерских, химчисток — непременно на английский манер. «Маркет», «супермаркет», «гипермаркет», «сити-маркет», «бутик», «шоп», «фастфуд» и просто «фуд», а еще извращенческие «Смирнофф», «Деффчонки»... Даже стыдно это писать. Все это небезобидно. Это сор, иноязычный сор, даже языковая отравка!

Наплывы заимствований и прежде были. Но, как правило, были они по необходимости и умеренности внедряющих эти заимствования. Русский язык с ними боролся и чаще всего побеждал. Некоторые варваризмы отомрут сами по себе. Горбачевский «консенсус», «плюрализм» почти исчезли. Правда, жизнь подкидывает другие словечки...

Есть такой телеведущий Сергей Брилев, респектабельный, самоуверенный, общается с первыми лицами государства. Так вот однажды, комментируя короткий репортаж о предстоящем чемпионате мира по футболу, он около десятка раз произнес слово «mundial». Слово, абсолютно чуждое русскому языку, рус-

скому уму, но телеведущему уж так оно нравилось, что он упивался им... Эх, это-то бы мундиала по его мундиалу отmundиалить, чтобы он больше никогда не мундиалил...

Ну, а как нынче обожают слово «шок»! «Я была в шоке!» Медицинский термин «шок» обозначает «угрожающую жизни реакцию организма на травму, ожог, операцию...» Никакой образности и метафоричности в слове шок нет, зато явно обозначается у произносящего слабость в знаниях русского языка, неумение выразить свое изумление образно.

В отношении огромного количества англоязычных техницизмов, связанных с компьютеризацией, особо бояться не стоит. Сайт, файл, драйвер, интерфейс — всего лишь профильные термины. К ним нужно так и относиться: профильные термины! Аналогично, предположим, терминам медицинским: анальгин, грипп, антибиотик, клизма...

Профильные термины не так страшны, как язык публичных выступлений каких-нибудь телевизионных див, звезд, актеров, а иногда — попросту разных телемартышек (это опять от «обезьянничанья»), которые рассуждают о «креативе» (творчестве), «контенте» (содержании), «биеннале» (выставке) и т.п.

Самое печальное, что засорением русского языка занимаются именно те, которые должны бы его бережно охранять от иноязычного вливания. Тут есть еще одна сторона данного вопроса. «Биеннале, креативы, контенты, мундиали», скорее всего, и не приживутся в языке, но люди (в первую очередь, дети), воспитанные на этой иноязычной тарабарщине, уже не смогут вернуться и к истинному русскому языку, эмоционально богатому и многословному.

Вспомнился старый анекдот. Из времен, когда в обиход входили словечки «кайф» и механическое, жесткое, холодное — «секс» (у нас секса не было: была любовь в разных проявлениях, в том числе любовь грешная и продажная...) Так вот: на работу секретаршей приходит наниматься красивая длинноногая девица. Директор принимает ее на службу, а руководитель отдела кадров показывает ей место работы. «Здесь ваш письменный стол...» — «О! Кайф!» — откликается девица. «Здесь ваш письменные принадлежности...» — «О! Кайф!» — «Здесь телефоны и пульт управления...» — «О! Кайф!» — «Скажите, а другие слова вы знаете?» — не выдерживает кадровик. — «Секс», — отвечает девица. — «А что такое секс?» — «О! Кайф!»

Язык нашего общества, к сожалению, становится примитивен, ограничен несколькими сотнями слов. Косноязычные депутаты и чиновники всех мастей, не очень грамотные редакторы и ведущие телеканалов, со своими ужимками и приколами, одни и те же персонажи, приглашенные на однотипные крикливые телешоу, скудная речь героев бесконечных бандитских и дамских сериалов, — вот и получается, что язык, который мы слышим, очень жалок, черств, неинтересен, а подчас и глуп, потому что забит не только «мундиалами» и «мейнстримами», но и вульгарными словечками, феней: «облом, поперло, лохануться, фарт, откат, распил, беспредел» и другой словомутью. Присовокупите сюда приבלатненную песню, которой определили стиль «шансон» и заполнили радиоэфир, а еще — модные молодежные песенки, где стихов нет, они там даже противопоказаны, в основном там три-четыре пары зарифмованных глаголов и бессистемный набор слов, а еще чмоки, динь-дини, буди-буди, гуди-гуди...

А еще засилье голливудских фильмов «блокбастеров, бестселлеров». Как там разговаривают тупорылые голливудские костоломы?! Примитивно-ругательный, пошлый язык у них прекрасен, а юмор поражает своей оригинальностью и чувством такта.

А еще на всех каналах бесконечная КВНщина, «пельменщина», «нашарашни-на», «комедиклабщина» и другая телечушь, не имеющая никакого отношения ни

к искусству, ни к просвещению, даже к развлечениям отношения имеющие отдаленное (стриптиз и пошленные анекдоты ведь тоже развлечения, но вряд ли их надо делать общественными).

Злостное подспудное *реформаторство* русского языка идет каждодневно на бытовом уровне, благодаря средствам массовой информации, примитивному вещанию и кинопоказу и так далее и тому подобное... А семья, школа, художественная литература, редкие просветительские программы в СМИ не могут, не способны и не рассчитаны справиться с засильем пустозвонства «фрайерских, понтырских» песенок, феней, примитивом сленгов: бизнесменских, молодежных, интернетовских. А главное — эта социальная болезнь даже толком не диагностирована. Современная художественная литература истребляется, школьные и вузовские гуманитарные программы сокращаются. Рынок ведь не востребовал богатства русского языка, а у нас правит рынок! Каков поп — таков и приход...

Художественную литературу подменили сивухой детективщиц донцовского разлива и псевдоисторическим чтивом — акунинщиной, и вроде бы все довольны. Особенно издатели. Кстати, владельцы крупнейших издательств и книготорговых сетей в России, по информации СМИ, давно живут за границей: им плевать и на русский язык, и на русскую литературу. Им не плевать только на толстощекого президента США со столлларовой купюры. Впрочем, разговор о современной литературе — тема отдельная и многоликая.

Есть еще один важный фактор, затрагивающий русский язык, вернее — урезающий его влияние. К несчастью, еще одна напасть. Беженцы и переселенцы с Ближнего Востока, трудовые мигранты Европы нам демонстрируют эту напасть... И у нас (почти повсюду в городах Центральной России, а в Москве это особенно наглядно, выпукло проявляется) есть проблемы с выходцами из южных краев. Одни из них — граждане России, другие не граждане. Но и те, и другие носители своего языка.

В столице уже есть целые кварталы, где живут, обитают, работают (а некоторые ведут незаконную деятельность) выходцы из далеких регионов. Они, эти выходцы, безусловно, имеют полное право общаться на своем языке. Но в последнее время это общение становится уж слишком активным. Словно бы они, эти выходцы, нарочито подчеркивают, что русский язык им чужой, знать они его не хотят. В метро, в общественном транспорте, в жилых массивах, в торговых центрах, особенно вечером, когда большинство мигрантов после работы выходят на столичные улицы, — они говорят громко, даже вызывающе, — с одной стороны, это их закомплексованность, но с другой — плохо скрываемая агрессия, подчеркнутое неуважение к русским и русскоязычным окружающим их гражданам. При этом их южные женщины плодovито рожают, дети становятся российскими гражданами, и в некоторых местах диаспоры уже требуют создания национальных школ. Ассимилироваться-то не хотят...

В Россию произошел наплыв кавказцев и азиатов уже другого поколения. Это поколение в советских школах не училось, о Пушкине и Некрасове не знает, про Великую Отечественную почти не слышало... А про русских знают твердо: они у них, с национальных окраин, забирали все богатства, — нет-нет, не строили города, предприятия, школы, вузы, научные институты, театры, а все-все (имеется в виду ценное) забирали и оставляли только «пыль», как выразился один из лидеров бывшей советской республики, забыв при этом, что республику ему создали тоже «русские варвары».

Все эти выходцы, другого, не советского края, русский язык знают плохо, скверно, из русского языка для бытового общения берут чаще всего матерщину, грубую лексику, торгашеский жаргон.

Некая ползучая антирусская языковая эпидемия-реформа, имеющая вполне

легальные и даже законные рамки, распространяется все шире и шире, а наш язык, его область применения, а главное — богатство языка, ценности словоупотреблений и неиссякаемой лексики становятся невостребованными и насильно омертвляются — как устаревшие, архаичные, годные для употребления только квасными патриотами.

А что ж власть? Русская общественность требует от власти принять действенные меры по сохранению, а не по разрушению языка. Власть принимает кое-что, проводит заседания «Совета по языку» при Президенте, поддерживает некоторые общественные инициативы, участвует в создании «Общества русской словесности». Выходит, кое-что делает. Но больше все же для показухи.

Некоторые из инициатив вызывают сомнения. Вот проводят в стране «Тотальный диктант». Почему тотальный? Нельзя, что ли, просто — всеобщий? Или французское словечко «тоталь» ласкает новым русистам слух? Проверка знаний — это неплохо. Всеобщий диктант! А лучше бы назвать «Общественный русский диктант». Но опять же инициатива с каким-то вывихом и подоплекой. Чьи тексты для диктантов? И какие тексты? Ну, непременно что-нибудь из быковско-рубинских книг, которые отнюдь не блещут ни грамотностью, ни красотой русского языка. А уж рубинский текст и вовсе вызвал возмущение: оказалось, израильская авторша сама заявила, что правил русского языка не знает. Но ведь тотальный диктант оголтело внедряют в регионах, в столицах. Тут есть где блеснуть писак-мурофаном, а еще и похвастаться: мы их всех за парту усадили!

Есть и другие инициативы. Создано «Общество русской словесности», которое возглавил Патриарх. Туда вошли крупные деятели науки, культуры, религии. Но опять же те, которые делать — по сути! практически! — для сбережения русского языка (кроме участия в общих говорильнях) ничего не будут. Им некогда. У них своих обязанностей полно. Сопевания, форумы, симпозиумы — это только трата средств, в том числе наших с вами, государственных. Действенных планов у этого «Общества» нет и, похоже, не предвидится... А почесать языки, пофилософствовать с трибуны, — так это мы всегда, ведь все эти деятели входят в десятки подобных обществ, фондов, комиссий... Показушества и профанации в таких инициативах в переизбытке, они вроде бы направлены на благое дело и цели у них благие, а по факту — пшик!

Вот и достойный Год литературы. Мне довелось быть на писательской встрече с Президентом, где он объявил об этом Годе литературы. Аплодисменты! А после довелось услышать слова премьера, что на Год литературы выделено аж три млрд. рублей! Где они? Кто отчитался? Ау, Счетная палата, расскажите: куда, сколько и зачем было потрачено? Что реального получила наша русская литература, русский язык? Деньги-то из кармана налогоплательщика. То бишь — наши. Врежь, были наши, стали...

ЕЩЕ РАЗ О РУССКОЙ БРАНИ

Так уж исторически сложилось, что редактором III издания Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля в начале прошлого века был лингвист польского происхождения И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он самовольно включил в словарь огромное количество ругательных нецензурных слов. Расширил русскую лексику? Нет. Жестоко поступил по отношению к памяти В.И. Даля, потому что «словарь авторский», а еще вроде бы и «узаконил» нецензурщину как языковой пласт русского народа. Нет спору, крепкие выражения испокон веку употребляемы в России, но рассматривать их как богатство, а словарь В.И. Даля открывает нам именно богатство языка, неправомерно.

И нынешние языковеды ведут себя очень непоследовательно в отношении не-

нормативной лексики. Векния нового времени — слова жаргонов, русского мата, блатной «фени» и т.д. Сколько их выпущено по России! Под прикрытием объективности (явление, мол, существует, его надо исследовать) появились книги с жуткими словниками. Здоровая ткань богатейшего русского языка разъедается зафиксированным сквернословием, подобострастными примерами.

Труды эти в большинстве своем псевдонаучные, их значение для лексикографии мизерное, но интерес к ним спекулятивно подогревается: мол, такие изыскания прежде были невозможны. На самом деле все диктует прибыль издателей и растущее бескультурье общества. Цензуры нет. Вернее, цензура — рубль и доллар — тут не помощница, а совести, разума и вкуса некоторым творцам изящной словесности и науки попросту не хватает. И языковая вольница дает волю разного рода прохиндеям, эпатажным персонажам и просто отъявленным прохвостам от литературы и искусства.

Порой слышатся ссылки на классиков. Великий А.С. Пушкин якобы не чурался крутых высказываний. Но разве использование нашим гением нескольких нецензурных слов в своих произведениях повод для подражательства? Пушкин иной раз и неприглядные поступки совершал. Что ж из того? У Есенина найдется во всем творчестве тоже несколько бранных нецензурных слов... И что теперь?!

Появление ненормативной лексики в произведении великих художников — это, скорее всего, результат духовного срыва, факт болезненного состояния или озорства, творческого отчаяния или некоторого вызова ханжескому обществу, проявление симптома какой-то социальной зараженности и т.п. К этому стоит относиться очень осторожно, а уж никак не восторженно!

Замечательный языковед, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского В.А. Гречко (ныне покойный) считал мат — «антиязыком» русского народа. Он был в этом убежден, писал на эту тему статьи, был категоричен. Заметьте: не языком, а антиязыком! То есть по существу — врагом. А уж когда какой-нибудь деятель или даже писатель ерофеевско-сорокинско-го пошиба с пошлыми улыбочками всезнайки говорит, что мат *просто* язык русского народа, то и вовсе хочется на них, на этих говорунов, плюнуть!

Мат — язык русского народа?! Нет, голубчики! Антиязыком — еще можно признать, но языком... Мат — назвать языком, это будет слишком жирно! И подло! Это всего лишь малая междометная часть бытового нелитературного языка. Кстати, матерных слов в языке совсем немного — с десяток... (трехэтажные обороты — это всего лишь обороты с участием одних и тех же непечатных слов). И говорить о том, что это язык русского народа? Да упаси бог! Что вы плетете, олухи?!

Или вот разрекламированная книжица некоего, обласканного на телеканале «Культура» доктора филологических наук М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва». В этой книжице говорится в основном о соре русского языка, о тех убогих лингвистических новшествах в области интернета, молодежного сленга, и, разумеется, немалое место уделяется матерщине. Цитировать подобное о почтении к мату — занятие жуткое. Но кое-что придется, чтоб почувствовать уровень, соотнести с выводами нижегородского ученого. Цитируем М. Кронгауза: «...как просвещенный лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определенным почтением как к яркому языковому и культурному явлению...» (Вот оно как! «яркое языковое и культурное явление».) «...в советской деревне мат использовался много, часто и всеми...» (Интересно, бывали ли эти кронгаузы в советской деревне? От моих бабушек, русских крестьянок, я никогда матерных слов не слышал! Да разве обзовет крестьянка свою коровушку-кормилицу матерным словом?! Никогда не слышал я матерщины и от других своих родственников, выходцев из деревни.) «А не ругаться матом это для русского человека, ну, как водки не пить, то есть подозре-

тельно». (А что, все русские пьют водку? Все спились? Кто бы вам построил дома, университеты, заводы, накормил вас, напоил, защитил?!) И еще одну цитату из доктора филологии: «Увы, и в мате не стоит искать национальную идею. Сегодня он скорее разъединяет людей». (О чем это?! О том, что полдюжины бранных слов могут быть национальной идеей России?! Это ж надо так не любить, не знать, не понимать, не уважать свою «эту» страну!)

И вот такая профессура нынче в самых популярных вузах. Учат... И на экранах, разумеется, мельтешат, копошатся. Нынче для них — вольница. Плети Емеля — твоя неделя!

...Междометная, животная сущность мата очевидна: слова эти коротки, скоропалительны, их даже договаривать до конца не надо. Да ими и пользуются люди чаще всего заводные, взвинченные, с избытком темперамента, злобы, ущемленности или неудовлетворенности. А животная сущность этих слов также очевидна: что бы ни приписывали человеку, — божественное начало, духовность, — человек несет в себе и животную основу, поэтому и весь мат связан с плотскими потребностями человека, опирается на полдюжины слов плотской лексики.

Мат, безусловно, заразителен. Как вредоносная бактерия он больше всего заражает молодые неокрепшие души. Разговоры многих молодых людей и так-то поражают своей *простотой* и малословием. Но это поправимо, с годами что-то приобретется; молодые люди слишком молоды: в них бурлят эмоции, в них кипит кровь, и изъясняются длинными красивыми предложениями бесподручно. То ли дело коротко: «классно! прикольно! дебил!..» А соцсети интернета вообще — отдельная тема. Там писать надо, а не хочется. Короткие слова и те не дописывают, грамотностью никто не «заморачивается». Там же в основном «лайкают»! Даже есть «словарь интернет-сленга», где приготовлено немало глупостей для малограмотных пользователей. Но самым печальным в речи молодых людей становится обыденная матерщина.

А ведь повседневный, бытовой, междометный лексикон очень губителен! Особенно для девушек. Тут имеются два важных момента. Молодой мужчина, юноша острее чувствует свою половую зрелость, в нем бушует плоть, жаждет улады и удовлетворения... Поэтому животные междометные выплески естественны. Другое дело — молодые девушки. Они еще не падки до плотских утех. Они еще находятся в стадии *лирики* — в мечтаниях о любви, а все плотские любовные игры — это где-то впереди, и чаще всего плотский расцвет для женщины наступает уже после рождения ребенка.

Но в компании юная девушка порой вынуждена подыгрывать окружающим сверстникам, выглядеть взрослой, подчас ругаться матом. Тут и показушное представление своей взрослости: сигарета, пиво, ругань и прочие шалости. Но с каждым ругательным плотским словом милая девушка, юница, лишает себя многого: в ней становится все меньше *фермента любви*; она растрачивает свою энергетику любви, которой потенциально наделила ее природа, в брани, в показной вульгарщине. Ей потом все сложнее будет полюбить, ведь любовь — это уважение к мужчине и таинство, а какое уж таинство и уважение к мужчине, если она матерится рядом с парнем как сапожник... (извинимся перед сапожником: подлинные ремесленники ругаются редко).

Да спросите любого парня из той же компании, где стоит мат-перемат: хотел ли бы он взять в жены девушку, которая палит «уй» да «лять»? Так, пошалить с ней — куда ни шло, с такой распутной даже и в кайф... Ну а всерьез полюбить, пойти с ней под венец вряд ли захочется. Ведь она еще и будет матерью его детей, ведь она еще и с его мамой будет говорить на таком языке... О, милашка-матерщинница, лучше уж я без тебя как-нибудь по жизни обойдусь, другую поищу. Он так, может, и не думает, его так невольно подсознание *воспитывает*.

Как алкоголь, который быстрее губит женщину, чем мужчину, так и матерщина. Женщины, которым привили брань и которые даже нелепо гордятся своей чудовищной речью, впоследствии становятся несносными циничными хамками, мужчина для них самец, добытчик денег, «козел»; впереди у таких дам — развод, дележ имущества, судебные дела, бесконечная нервотрепка и неудовлетворенность во всех проявлениях. И как правило, у таких уже не будет любви. Разве что к деньгам мужчины. А это любовь слишком зыбкая. Ведь мужчина-то интуитивно понимает, за что его любят...

Милые девушки, юные создания, не пачкайте свою душу бранью, матерщиной, не допускайте в свое сердце черную злобу, которую несет междометный плотский слог, который оставляет меньше шансов на искреннюю, светлую, духоподъемную любовь.

Как важно, чтобы родители и педагоги, проповедники и гуманитарии, а еще и вездесущие средства массовой информации (такие свободные!) провели просветительскую работу на эту тему, дали бы молодым людям представления о ценностях русского языка, русского творчества, дабы безвкусица, хамство и эпатаж не выдавались за искусство. Поймут ли и примут ли молодые люди эти наставления сразу? Скорее всего, нет, но они будут хотя бы посвящены в то, что существует и Русский Мир, и Русское Искусство, и непревзойденный Русский Язык. А чиновники из Минкульта, депутаты, телена начальники с госканалов публично должны отчитываться за казенные средства, то бишь народные, потраченные на современных создателей культурных ценностей. И вообще всех чертей надо выводить на чистую воду! Знать, кому и за что мы платим! Депутаты, проснитесь!

Противно слушать матерные реплики со сцены театра. Стыдно становится за актеров, совестно перед соседями-зрителями, будто и тебя, и их унизили. Некоторые демонстративно уходят из зала. И правильно делают! Все же «храм»... И диву даешься, когда люди в театральных бархатных ложах — солидные мужчины и женщины в нарядных платьях (особенно где-нибудь в провинции) — смотрят на голозадых мужиков или слушают матерщину со сцены, а ведь эта публика считает себя нынешней элитой, посещает модные театры, где куртуазные режиссеры, брезгующие законами русского театра и русских традиций, преподносят шедевры, от которых нормальному человеку хочется сморщиться и подумать: «Как хорошо, что мои родители и мои дети этого не видят!»

Есть, конечно, провалы, которые можно назвать случайными. Многим известен оscarовский фильм «Утомленные солнцем» Никиты Михалкова — популярного актера и режиссера, председателя Союза кинематографистов, президента Российского фонда культуры. По телевидению этот фильм демонстрировался в самые «массовые» часы, когда у экрана собираются семьями. И вот главный герой фильма в исполнении того же Михалкова в порыве гнева ругается матом. Этот матюжок фильму ничего не прибавляет. Но он произнесен. Нецензурная брань обретает позволительность. Несмотря на то, что это — капля яда. Которая поражает чаще всего юное зрительское сердце.

Пробелы вкуса у кинематографистов сейчас заполняет законодательное ограничение по употреблению бранной лексики да и «Кодекс об административных правонарушениях», в котором нецензурная брань в общественных местах расценивается как мелкое хулиганство. Любое появление разумных законов, которые выполняют роль языкового ассенизатора, наверняка будет приветствоваться обществом. Законов разумных, продуманных: язык, мышление, устои, темперамент — рубку сплеча не принимают.

При этом только отъявленный русофоб или неуч может сказать, что мат — это язык русского народа.

Русские никогда не почитали матерщинников. И если о ком-то говорили: «он

матерщинник», — произносили это с досадой или отчуждением, их так же не любили, как не любили лентяев, нерях, пьяниц. Жаль, что русские подчас излишне скромны в общении с хамами, излишне доверчивы, слушая чепуху псевдоинтеллигенции, которая изнутри до дыр протирает экраны телевизоров; жаль, что потворствуем и наглецам из разных мигрантских наплывов.

А между тем даже в уголовной среде есть табу на матерщину. Блатной мир такую лексику отвергает. Не забудем, что в лагерях, к сожалению, находится немало наших сограждан. Не найти матерных слов в блатной поэзии, песнях.

Нет никаких матерных слов в фольклорных сказаниях, легендах, балладах... Кое-что наберется в срамных частушках да в некоторых сатирических сказочках из устного народного творчества (чаще всего это авторское творчество, которые пытаются сделать народным).

Иронически-похабная поэзия, сочинительское хулиганство, — на это заносило иной раз и талантливых литераторов, но при этом они ни на какие поэтические высоты и не замахивались, знали место таким срамным поделкам.

Армия... Вот уж где не скромничают и грешат многие — но не все! — матерным окриком. Это объяснимо. Там суровость службы, часто — климата, быта, там мужиковское общество. А междометный окрик, возглас, резко напрягает человека, взвинчивает, или играет роль сублимации, ибо внутреннее напряжение от службы и эмоции требуют своего исхода. И в некоторых случаях мат в армии теряет всякий смысл, превращается в возглас, бессмысленный клич.

Но при этом опытные мудрые военачальники никогда не будут разговаривать с подчиненными бранными словами.

Не помню, чтобы командиры полка, замполиты полка (а я служил в трех частях) ругались при солдатах матом. Но помню полковника, начальника из дивизии, который без разбора крыл всех подряд... Он вызывал и усмешку, и даже какое-то сожаление, хотелось поежиться от его речи и становилось неловко за него.

А однажды на учения на полуостров Рыбачий к нам прилетел на вертолете проверяющий, генерал-лейтенант. Услышать от него не матерное, а просто грубое слово было стыдно... Да-да, именно стыдно! За него! Он стоит в лампадах, золотые дубовые листья в петлицах, гербы на золоченых пуговицах — и вдруг брань, обращенная к солдатам и офицерам, на огневой позиции... Ну что ж вы так?! Не прапорщик ведь!

Так вот и писатель. На писателя воспитанный читатель смотрит не как на подвыпившего прапорщика, а как на генерала, — не имеет он права опускаться до матерной брани в своих книгах (извинюсь и перед прапорщиками: немало в армии и таких, от которых не услышать худых слов).

В конце концов, речь-то идет не о том, чтобы исключить несколько бранных, междометных слов из лексики языка, а о том, что изошренные русофобы и непросвещенные бездари пытаются почти весь язык русского народа свести к матерщине. И на законных основаниях использовать его в искусстве... узаконить этот слой как главный пласт языка русского народа.

Если кто-то вам говорит, что мат — это язык русского народа, тут же, глядя прямо в глаза этому человеку, задайте вопрос: кто он по национальности? Кто он по национальности?! Если этот аспид, балбес, вахлак, глупыш, дурень (эх, до чего ж богат, сочен наш язык! ведь я тут только на первые буквы алфавита взял несколько «ласковых» словечек), — так вот, если этот человек будет колотить себя кулаком в грудь и доказывать, что он великоросс, спросите его: на каком языке говорила с ним мама, папа, бабушка, сестра? Может быть, у него хоть тогда проветлятся мозги...

Возможно ли избавиться или хотя бы несколько отстраниться от мата? Возможно! Почаще ходить в музеи, картинные галереи. Только избегайте выставок

«современного искусства»: в словах «современное искусство» уже заложен какой-то подвох и намек на некие безобразия. Почаще стоит в одиночестве бывать на природе. Посидите в читальном зале, полистайте книги с картинами старых мастеров. Почаще бывайте на кладбище, вспоминайте родных. Невозможен, дик мат на могилах родных и близких... При воспоминаниях само сознание ограничивается, а вернее сказать — оберегает человека от матерщины. Невозможно вспоминать о своем детстве матерными словами... Храм тоже излечивает от бранных слов. Верно замечено, что человек, находясь в храме, даже про себя не может ругаться матом. Кто-то будет возражать, искать исторические казусы... Но дурной пример — нам не пример!

НЕ ЭКСПАНСИЯ — ЗДРАВAYA ЗАЩИТА

Язык — могучее средство воздействия на умы. Внедрение своего языка в другие нации — внедрение политической и экономической зависимости. Лучшего долгосрочного представительства своих интересов и придумать нельзя! А мы отступаем. И не только в «непримиримых» странах Балтии, но и в Средней Азии, а теперь и на Украине. Миллионы русских и русскоязычных граждан в странах СНГ остались без прав на свой язык. Забывчивые лидеры стран ближнего зарубежья не вспоминают, что русский язык прокладывал для национальных элит — научных, творческих — путь к мировому признанию.

Гуманитарное, просветительское значение русского языка в мире грандиозно! Стоило в бывших республиках СССР притеснить русский язык, сразу исчезли с мировой карты культуры все современные национальные литературы. Так как только благодаря русскому языку они были доступны широкой российской читательской аудитории и далее — мировой.

Да что говорить: десятки народностей «через русский язык» стали грамотными и обрели возможность общения с другими народами. А теперь целые государства уходят из сферы влияния русского языка. Мало того — вместе с этнически русским населением, «доставшимся» от СССР, попадают под влияние языка, культуры и религии, которые очень далеки от нашей культуры. И тут встает вопрос: а на какой язык, на какую культуру они повелись, что и кто теперь будет для них таким же проводником к мировому искусству, науке, культуре, каким был русский язык?

Защита национального языка не только в руках власти. Власть у нас нынче больше русскоговорящая... Защита родного языка во власти всех русских! Нам нужно почаще напоминать, что мы русские: в семье, в школе, на работе, в компании. И пусть ошалелая русофобия, которая появилась сейчас в мировых СМИ, обратится в пустой собачий лай, изведет сама себя и охрипнет; а те, кто ее организуют, поймут, что мы любви к себе не просим, а вот за ненависть к русским, за русофобию придется платить.